

Полководцы персидского царя родосец Ментор и евнух Багой с главными силами персов поднялись вверх по Нилу. Объявив амнистию всем, кто добровольно сдастся, они взяли Бубастис; за ним сдались и остальные города Дельты³³. Фараон Нектанеб бежал в Нубию, весь Египет оказался во власти персов. Восстановив свое господство в стране, персы приняли меры к тому, чтобы предупредить новое восстание. Крепостные стены городов Дельты были срыты, египетские храмы были дочиста ограблены. «Демотическая хроника» так рисует бедствия, постигшие Египет: «Плач стоит на наших реках и островах, дома Египта больше не будут заселены... Об этом времени можно сказать: мидяне повергли их в несчастье... они отнимут у египтян дома и будут в них жить»³⁴.

Древняя империя фараонов была разрушена, на этот раз навсегда³⁵.

Ю. Б. ЦИРКИН

Аристотель и основание Массалии

Среди «Политий», написанных Аристотелем или его учениками, существовала и «Массалиотская полития». К сожалению, она до наших дней не дошла. Некоторые материалы этого произведения вошли в «Политику» в качестве иллюстрирующих примеров. Кроме того, Афиней (XII, 576 a-b) сохранил отрывок, передающий подлинный рассказ Стагирита, помещенный, видимо, в самом начале «Массалиотской политии», где повествуется об основании Массалии: «Фокейцы, живущие в Ионии, занимающиеся торговлей, основали Массалию. Фокеец Эвксен был связан узами гостеприимства с царем Наном (таково было его имя). Этот Нан, справлявший свадьбу дочери, ради счастливого случая пригласил Эвксена на пир. Свадьба же совершалась по такому обычаю: должно бы-

³³ *Diod. XVI. 49. 5.*

³⁴ *Dem. Chron. Col. IV. 22-23; Kienitz F. K. Op. cit. S. 107.*

³⁵ Видеман (*Wiedemann A. Zum Alexanderroman // OLZ. III. S. 286*) показал, что Александр Македонский (или его окружение) создал фикцию, согласно которой македонский завоеватель явился новоявленным последним царем Египта Нектанебом II. Легенда эта была нужна для мифа о преемственности и традиционности власти греко-македонской верхушки в Египте.

ло, чтобы вошедшая после еды девушка подала чашу со смешанным вином, кому желает, из присутствующих претендентов на ее руку, кому же даст, тот и становится ее женихом. Вошедшая же девушка случайно или по какой-нибудь причине подала чашу Эвксену; имя же девушки было Петта. Когда же это случилось, то и отец, поскольку дар был сделан по воле бога, счел его достойным иметь ее. Эвксен взял ее в жены, изменив имя на Аристоксену. И есть в Массалии род, до сих пор называемый Протиадами. Ведь Протос был сыном Эвксена и Аристоксены»¹.

Наличие фольклорных мотивов в этом рассказе очевидно². Однако явно новеллистический характер фрагмента не должен быть причиной для отказа в историчности самому событию: основанию города и роли в этом местного населения³. Но прежде всего надо рассмотреть возможный источник Аристотеля.

Сообщение автора «Массалиотской политии» не стоит одиноко в античной традиции. Совершенно явно сходство приведенного рассказа с повествованием Помпея Трога, как оно сохранилось у Юстина (XLIII. 3. 4-4. 12). В свое время, рассматривая «массалиотский пассаж» Трога, мы высказали предположение, что его источником является массалиотское предание, относившееся к роду Протиадов, связанному с храмом Афины и его жречеством⁴. В междоусобной борьбе этот род, по-видимому, вышел победителем, и его задачей была стабилизация своего положения утверждением особой роли предка в основании города. Память об ойкистах всегда сохранялась в традиции греческих колоний⁵, так что помешение предка Протиадов среди ойкистов закономерно. Другое дело, что в ходе этой борьбы был, вероятно, оттеснен род, ведущий происхождение от другого ойкиста — Сима (Iust. XLIII. 3. 8). Наличие того варианта предания, который связывал основание Массалии с жрицей Артемиды Аристархой и подчеркивал роль

¹ Доватур А. И. Политика и Политии Аристотеля. М.; П., 1965. С. 321.

² Там же. С. 157; Rohde E. Der griechische Roman und seine Vorläufer. В., 1960. S. 49. Основателя Массалии помещает среди мифических фигур и В. Лешхорн: Leschhorn W. Gründer der Stadt. Stuttgart, 1984. S. 385.

³ Доватур А. И. Указ. соч. С. 373. Прим. 6; Clerc M. Histoire de Marseille dans l'antiquité. Marseille, 1927. Т. I. P. 115—117.

⁴ Циркин Ю. Б. К вопросу об источнике «массалиотского пассажа» Помпея Трога // Вестник ЛГУ. 1968. № 2. С. 150.

⁵ Колобова К. М. Из истории раннегреческого общества. Л., 1951. С. 311. Прим. 157.

этой богини (Strab. IV. 1. 4), свидетельствует о противопоставлении «афиноцентристской» традиции Протиадов, которой следовал и Аристотель, «артемидоцентристской»⁶, по каким-то причинам предпочтенной Посейдонием и Страбоном.

Сходство повествований Трога и Аристотеля не ограничивается основным содержанием и некоторыми весьма важными деталями, как, например, то, что предварительным условием основания города была женитьба фокейца на дочери местного царя, или мотив пира, на котором девушка подала спeciальную чашу греческому гостю, что по местному обычаю означало выбор ею чужеземца в мужья. Важно и то, что и Трог, и Аристотель относятся к одному из двух направлений традиции, согласно которому Массалия была основана около 600 г. до н. э. Об этом свидетельствует ссылка Гарпократона на «Массалиотскую политию», причем он противопоставляет мнение Аристотеля точке зрения Исократа, связывавшего создание Массалии с бегством фокейцев от персидского царя (FHG. II. Fr. 238). Трог же прямо писал, что фокейцы основали Массалию во время правления царя Тарквиния, а Линий (V. 34. 7-8) уточнял, что речь шла именно о Тарквинии Приске. К этому же времени относили основание Массалии Псевдо-Скимни (211-214), ссылавшийся на Тимея, и Евсевий (Chron. P. 92-93. Schoene).

Согласно другому направлению традиции, город основали фокейцы, бежавшие от власти персидского царя в начале второй половины VI в. до н. э. На этом настаивали Исократ (Archid. 84), Павсаний (X. 8. 6), Сенека (Cons. ad Helv. VII. 8.), Гигин (Gell. X. 16.4), Тимаген (Amm. Marc. XV. 9. 7). Появление этой традиции надо, по-видимому, связывать с политической борьбой в Массалии, со стремлением тех фокейцев, которые, переехав на Запад двумя поколениями позже первых поселенцев, оказались гражданами «второго сорта»⁷ и стремились доказать, что истинными основателями Массалии являются именно они, а не первопоселенцы. Распространилась эта традиция по понятной причине: выведение колонии на галльское побережье в начале VI или на рубеже VII—VI вв. до н. э. было делом обычным, а бегство фокейцев, предпочтивших переселение подчинению «варварской» власти, представлялось редким и великим деянием. Са-

⁶ Циркин Ю. Б. Эволюция политического строя Массалии // Социальная и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 44.

⁷ Ср.: Яйленко В. П. Греческая колонизация архаической поры в эпиграфических источниках // ВДИ. 1973. № 2. С. 67—68.

мое раннее сохранившееся упоминание основания Массалии в связи с бегством фокейцев находим у Исократа⁸, что вполне вписывается в его программу противостояния «варварам» и излечения бед Эллады за счет Персии. Впрочем, намек на эту традицию содержится уже у Фукидида (I. 13.6), упомянувшего о сражениях на море с карфагенянами фокейцев, основывающих (употреблено причастие настоящего времени οἰκίζοντες) Массалию, причем историк помещает это событие не ранее времени Кира и Камбиза. Аристотель же к этой традиции не относился, как и Трог.

Однако при том, что сходство рассказов Аристотеля и Трога весьма значительно, существуют и различия между ними. Так, у Трога дочь царя звали Гиптис, у Аристотеля — Петта, причем «варварское» имя было затем переделано на греческое — Аристоксену. Несколько различно и имя самого царя: Нани (Nannus) у Трога и Нан (Nanos) у Аристотеля. Трог рассказывает, что фокейцы, желая основать город, добивались дружбы царя: для Аристотеля глава фокейской экспедиции к этому времени уже был ксеном Нана. Повествование Трога производит впечатление, что Гиптис намеренно дала воду фокейцу; Аристотель пишет, что Петта подала чашу гостю случайно или по какой-либо другой причине (и Аристотель, следовательно, не исключает намеренный характер жеста лигурийской царевны). По Трогу, на пир была приглашена вся знать, у Аристотеля эта деталь отсутствует. Гиптис дала гостю воду, а Петта — смешанное вино. Главное отличие: Трог приписывает основание Массалии Протису, а Аристотель — его отцу Эвксену.

Эти различия свидетельствуют о том, что оба автора независимы друг от друга. Те детали, которые отличают аристотелевское повествование от троговского, носят ярко выраженный греческий характер. Таково смешанное вино, которое, якобы, подала Эвксену дочь Нана. Смешивать перед питьем вино с водой — греческий обычай. К тому же до прибытия фокейцев на юге Галлии виноград едва ли разводился: по Трогу (Iust. LIII, 4.2), виноделие принесли туда греки, и их роль в этом ныне признают, хотя и с некоторыми оговорками,

⁸ Дж. Ненчи полагает, что Исократ относит создание Массалии к началу VI в. до н. э., как и Аристотель: *Nenci G. Le relazioni con Marsiglia nella politica estera romana // Rivista di Studi Liguri. 1958. An. XXIV. P. 51—53.* Однако это совершенно неверно. Гарпократион, соединяя в своей заметке о Массалии высказывания Исократа и Аристотеля, совершенно ясно противопоставляет их. Ср.: *Brunel F. Marseille et les phocéens de Phocée // Revue des Etudes Anciennes. 1948. T. L. P. 6—7, 16—19.*

и современные исследователи⁹. Отдельные подробности, сообщенные Стагиритом, говорят о незнании им конкретных деталей истории основания города. Сейчас уже невозможно сказать, почему он принял другое имя лигурийской царевны, которое на греческий слух — столь же «варварское», как и то, что назвал Трог. Иначе обстоит дело с именем ее отца. Исследователи признают более правильной форму с двойным согласным — Нанн; у Аристотеля же второй согласный исчез, и имя стало похоже на греческое слово «карлик», что и вынудило автора добавить «таково было его имя» ради избежания двусмысленности¹⁰. Также более правильным предстает имя Протис, а не Протос, избранное Аристотелем¹¹. Но еще важнее то, что, как было давно показано, сам факт существования в Массалии рода Протиадов (его наличие подчеркивает Аристотель) доказывает, что ойкистом был все же Протис, а не его отец¹². Имя же Эвксен — слишком «говорящее» и, по-видимому, действительно явилось как бы символом дружеского приема, оказанного грекам «варварами»¹³. Эллинское же имя его жены — Аристоксена — хорошо соотносится с именем мужа.

Все это показывает, что Аристотель почерпнул свои сведения не непосредственно из массалиотского источника, а через какого-то посредника или цепь посредников, откуда и были заимствованы несвойственные первоисточнику черты. Однако в целом его данные соответствуют местной традиции.

Искусствоведы сумели выделить в архаическом искусстве Эллады «фокейский круг»¹⁴. В греческой литературе, видимо, тоже можно выделить такой «фокейский цикл». В первую очередь речь идет об истории основания самой Фокеи и ее колоний. Николай Дамасский (Fr. Gr. Hist II A. Nikolaos von Damaskos. Fr. 51) и Павсаний (VII. 3. 10) рассказывают, что первопоселенцы Фокеи получили землю для своего города от кимейского тирана Уатия в благодарность за по-

⁹ *Histoire de la France rural*. P., 1975. T. I. P. 201. Более осторожно: Clavel-Leveque M. *Marseille grecque*. Marseille, 1977. P. 170—171.

¹⁰ Доватур А. И. Указ. соч. С. 322. Ср.: Holder A. *Altceltische Sprachschatz*. Bd. II. Leipzig, 1897. S. 683.

¹¹ Clerc M. *Op. cit.* P. 120. Not. 2.

¹² Dümmler F. *Kleine Schriften*. Bd. II. Leipzig, 1901. S. 228.

¹³ Ibid.

¹⁴ Langlotz E. *Die kulturelle und künstlerische Hellenisierung der Küsten des Mittelmeer durch die Stadt Phokaia*. Köln und Opladen, 1966. Однако порой к выводам Э. Ланглотца относятся осторожно, если не скептически: см.: Morel J.-P. *L'expansion phocéenne en Occident: dix années de recherches (1966—1975)*. // BCH. 1975. XCIX. P. 856.

мощь в захвате власти, причем Павсаний подчеркивает, что «страну они берут от кимейцев не войной, а по соглашению».

Геродот (I. 163) писал, что фокейцы первыми из эллинов занялись далекими путешествиями и открыли Адрию, Тиррению, Иберию и Тартесс, где царь Аргантоний пригласил их поселиться, а после отказа дал деньги на укрепление города. Каков бы ни был непосредственный источник Геродота (его иногда видят в труде Гекатея)¹⁵, его рассказ в конечном итоге явно восходит к фокейской версии, ибо в нем несомненно прославление Фокеи даже в противоречии с историческими фактами, в том числе и сообщением самого Геродота (IV, 152) о путешествии самосца Колея, который был предшественником фокейцев в Тартессе¹⁶. Правда, о поселении фокейцев в Тартессиде Геродот не говорит, хотя там позже и появилась фокейская Майнака (Strab. III. 4. 2), но это объясняется задачей «отца истории», который в данном случае интересовался только первым путешествием фокейцев.

На другом конце средиземноморского мира располагался Лампсак. Харон Лампсакский (Fr. Gr. IIIA. Charon von Lampsa. Fr.) рассказывал, что царь местного племени бевриков Мандрон попросил фокейского царя Фоба, ставшего его другом и ксеном, прислать колонистов, чем и было положено начало городу Лампсаку. Бежавшие с Корсики фокейцы после недолгого пребывания в Регии создали в Италии Элею совершенно мирно с помощью греков из соседней Посейдонии (Her. I. 167). О мирном основании Массалии уже говорилось¹⁷.

За этим первым актом «Фокейских историй» последовал (хотя и не везде) второй: резкое ухудшение отношений между фокейскими колонистами и их недавними гостеприимцами. Смерть тартессийского царя Аргантония, дружески относившегося к эллинам, явилась причиной обоснования бежавших от персов фокейцев на Корсике (Her. I. 165), а не в Южной Испании. Вскоре после основания Массалии лигуры, зави-

¹⁵ Rudet G. Argantonios et le mur de Phocée // Bulletin Hispanique. 1903. T. V. P. 111.

¹⁶ Историчность плавания Колея, несмотря на наличие в геродотовском рассказе сказочных деталей, подтверждается находкой на Самосе (в самосском Герайоне) южноиспанского гребня из слоновой кости: Freyer-Schaumburg B. Elfenbeine aus samischen Heraion. Hamburg, 1966. S. 110, 125.

¹⁷ Видимо, в «фокейский цикл» входит и версия основания Массалии, сохраненная Страбоном (IV, 1, 4), но этот автор упоминает о мирном или немирном вселении фокейцев на юг Галлии, ибо его интересует другое: роль богини Артемиды Эфесской и ее жрицы Аристархии в основании города.

дующие росту города, решили войной изгнать греков (Iust. XLIII. 13); во главе лигуров стоял царь Коман, сын Наина, но его козьи были разоблачены местной женщиной, пожалевшей своего греческого любовника (Iust. XLIII. 4. 3—12). Бебрики, тоже позавидовавшие богатой добыче фокейцев, решили воспользоваться отъездом Мандрона и уничтожить эллинов, но Лампсака, дочь бебрикского царя, открыла их замысел колонистам, и те уничтожили «варваров», а в честь своей благодетельницы переименовали город, ранее названный Питиоессой (Fr. Gr. Hist. IIIA. Chacon von Lamps. Fr. 7). Ранняя история Массалии и Лампсака совпадает до отдельных деталей.

Возникает естественный вопрос: являются ли эти истории чисто литературными или отражают историческую действительность? Немногочисленные археологические раскопки в Фокее показали смесь ионийской позднегеометрической керамики с эолийской серой монохромной¹⁸, а филологи подчеркивают наличие эолизмов в ионийской речи фокейцев¹⁹. Что касается колоний, то надо иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, все колонии были выведены Фокеей в районы, к тому времени уже населенные, причем уровень развития местного населения был сравнительно высок. Во-вторых, фокейская колонизация носила преимущественно торгово-ремесленный характер. Оба эти обстоятельства требовали не вытеснения аборигенов, а сотрудничества с ними. Отсюда и мирный характер колонизации, который предпочитали фокейцы. Однако в дальнейшем эксплуатация местного населения путем чаще всего неэквивалентного обмена приводила к военной конфронтации²⁰.

Вернемся к истории основания Массалии, как об этом повествуют Аристотель и более точно Трог. В этом повествовании выделяются два момента: пир, на котором девушка протянула чашу греку, и женитьба последнего, в результате которой эллины смогли основать город. Мотив пира и протянутой чаши — новеллистичен. Однако ограничиться этим признанием нельзя. Настойчивость введения этого события в рассказ об основании города свидетельствует о значении, какое придавали ему Протиады. Возможно, они видели в

¹⁸ Akurgal E. Les fouilles Phocée et le sondage de Kyme // Turk arkeoloji dergisi. 1956. Sagi VI-I. P. 21.

¹⁹ Sakellariou M. La migration grecque en Ionie. Athènes, 1958. P. 296, 504.

²⁰ Ср.: Фролов Э. Д. Греки в Сицилии // Вестник ЛГУ. 1986. Сер. 2. Вып. 2. С. 18—25, особенно 20—22, 25.

нем божественный знак. В свое время Л. Радемахер, исследовавший подобные мотивы как азиатского, так и европейского фольклора, видел в истории с чашей отражение лигурийского или кельтского обычая²¹. Позже Э. Серени также считал, что рассказ вполне правдоподобен, с точки зрения сравнительной этнографии²². Конечно, поверить в случайность или неожиданное наитие при выборе эллина в мужа невозможно. Тот же Трог говорит о предварительной фокейской экспедиции, в ходе которой эллины узнали характер местности и затем своими рассказами возбудили многих к переселению (Iust. XLIII. 3. 4). Да и Аристотель сообщает, что глава колониальной экспедиции был ксеном лигурийского царя. Доколониальные контакты Южной Галлии с восточными греками подтверждают, хотя пока и скудно, и археологические раскопки²³. Так что если и принять жест лигурийской царевны за действительность, то он должен был лишь прикрыть более раннее соглашение.

Огромное значение имел брак эллинского предводителя с лигурийской царевной. Сама по себе женитьба знатного грека на представительнице местной знати не является чем-то странным и необычным. Можно в связи с этим вспомнить правителя Херсонеса Фракийского афинянина Мильтиада, женившегося на дочери фракийского царя (Her. VI. 39; Plut. Cim. 4. 1), что, разумеется, укрепляло его власть в городе, находившемся в «варварском» окружении. Более важна связь женитьбы с основанием города, что подчеркнуто Трогом (Iust. XLIII. 3. 11): Протис «из гостя став зятем, взял у тестя место для основания города». В условиях позднеродового строя, в каком жили тогда лигуры, единственным средством включения в местную среду был брак или усыновление. А такое включение облегчало приобретение земли для поселения колонистов, если учесть стремление фокейцев не вытеснять аборигенов, а сотрудничать с ними. Известную аналогию может представить брак карфагенского полководца Гасдрубала, который женился на дочери иберийского царя и, как пишет Диодор (XXV. 12), вследствие этого основал Новый Карфаген и другой город.

Итак, рассказ Аристотеля опирается в конечном итоге на местное массалиотское предание, в свою очередь, входящее

²¹ Rademacher L. Die Gründung von Marseille. Ein Versuch zur Geschichte von Sage und Sitte // Rheinisches Museum. 1916. Bd. 71. S. 11.

²² Sereni E. Comunità rurali nell' Italia antica. Roma, 1955. P. 221. Not. 16.

²³ Morel J.-P. Op.-cit. P. 869.

в «Фокейский цикл» литературной традиции. Когда возникло это предание, сказать трудно. Первое упоминание о Массалии в греческой литературе встречается у Гекатея (Fr. Gr. Hist. I. Hes. Fr. 55), отмечавшего, что это — город Лигурии вблизи Кельтики, колония фокейцев. Это указание можно сравнить со словами Трога, что город был основан «между лигурами и диким племенем галлов» (Iust. XLIII. 3, 4). Случайно ли такое совпадение? Древние авторы (Her. V. 9. 1; Ps-Scytl 201-202, 211; Strab. IV. 6. 3; Ps-Scyll. 4) писали именно о лигурах, живших вокруг Массалии. Однако уже вскоре после основания города массалиоты стали проникать и вглубь страны, в области, населенные кельтами, как об этом свидетельствуют находки керамики VI в. до н. э.²⁴ А современные исследования показали, что кельтские элементы уже тогда присутствовали в Южной Галии, проникая в лигурийскую среду²⁵. Поэтому и могло возникнуть предание о Массалии как о городе Лигурии, но вблизи Кельтики, или расположенном между племенами лигуров и кельтов (галлов). Но оно едва ли могло появиться в Балканской Греции: так Геродот (III. 33, IV, 49) помещает кельтов в другом месте, чем массалиотов, и живущих рядом с ними лигуров. Не исключено, что Гекатей почерпнул сведения или от фокейцев, или от самих массалиотов. Если это так, то первоначальное ядро предания могло возникнуть уже в VI в. до н. э., т. е. вскоре после основания Массалии.

Будучи создано, возможно, в VI в. до н. э. это предание, видимо, нашло какое-то распространение на западе греческого мира. Тимей, по словам Псевдо-Скимна (211—214), повествовал об основании Массалии и датировал это событие временем 120 лет до Саламинского сражения. На Балканском же полуострове следов знакомства с массалиотским преданием до Аристотеля незаметно²⁶ (грски, конечно, знали труд Гекатея, но учитывая его фрагментарность, мы не можем сказать о нем ничего определенного). А. И. Доватур обратил внимание на стиль аристотелевского рассказа. Он отличается от обычного в политиях, насколько они нам извест-

²⁴ Clavel-Laveque M. Op. cit. P. 20-21.

²⁵ Ibid. P. 12, 14. Not. 25.

²⁶ О победах над карфагенянами фокейцев, основывающих Массалию, писал, как известно, Фукидид (I, 13. 6), но он, вероятнее всего, соединил в данном случае сведения о морских победах массалиотов в период основания их города и позднюю дату этого основания, ибо, как уже отмечалось, автор утверждал, что у ионийцев флот появился только во времена Кира и Камбиза, а далее уже сообщал о морских победах фокейцев.

ны, и это означает, что автор не предполагал предварительного знакомства читателя с рассказом²⁷.

Совершенно иное впечатление производит соответствующий пассаж из «Архидама» Исократ. Спартанец Архидам призывает сограждан не соглашаться на позорный мир с фиванцами и не признавать освобождения мессенцев, но отправив за рубеж родителей, жен и детей, храбро сражаться с врагами. И он приводит известные примеры поведения других греков: афинян, которые покинули свой город ради свободы других, и фокейцев, спасшихся бегством от персидского царя и основавших поселение в Массалии (Archid. 83-84). Нам сейчас неважно, действительно ли эта речь составлена Исократом для спартанского царя или это — риторическое упражнение на тему о том, как мог произнести подобную речь Архидам. Важно, что автор говорит обо всем известном событии и что это произведение предшествует аристотелевскому²⁸.

Сравнение пассажей Аристотеля и Исократ свидетельствует, что версия, которой следовал Исократ, была уже хорошо известна, в то время как Аристотелю надо было еще вводить в оборот ту, которую он считал верной.

Однако и после Аристотеля его версия основания Массалии не стала популярной. Даже ученик Аристотеля Аристоксен, определяя время Пифагора, делает этого философа современником Ксенофана, Анакреонта, Поликрата и тех ионийцев, которые, бежав от «мидийца» Гарпага, покинули Фокею и основали Массалию (FHG. II. Aristex. Fr. 23). Во II в. Плутарх, оправдывая занятие Солона торговлей, писал, что в те времена торговля была почетной, а некоторые торговцы даже становились основателями больших городов, как это было с Протисом, основавшим Массалию (Sol. 2. 7). Таким образом, Плутарх обратился к подлинной массалиотской традиции, не к аристотелевскому ее варианту, а троговскому, как свидетельствует форма имени ойкиста — Протис, а не Протос — и упоминание именно его, а не его отца²⁹. И только около 200 г. н. э. Афиней, собирая всяческие древности,

²⁷ Доватур А. И. Указ. соч. С. 321—324. Это относится и к Наксосской политике.

²⁸ Академическая «история греческой литературы» датирует «Архидама» 366 г. до н. э. См.: История греческой литературы. М., 1955. Т. II. С. 253.

²⁹ Таким образом, не соответствует действительности утверждение, что повествование Аристотеля об основании Массалии было в древности самым распространенным; см., напр.: *Nenci G. Op. cit.* P. 51.

включил в своих «Пирующих софистов» подлинное начало «Массалиотской политики» Аристотеля, рассматривая его как еще один рассказ о чудесной любви.

Итак, Аристотель, вопреки наиболее распространенной традиции, обратился в рассказе об основании Массалии (поместив его в начале «Массалиотской политики») к собственно массалиотскому преданию, притом связанному с родом Протиадов, явно рассматривая его как более историческое. Само это предание дошло до него через какого-то посредника или цепь посредников, внесших некоторые несвойственные первоначальному варианту детали. Однако при всем авторитете Аристотеля его рассказ не получил распространения в греческой литературе.

А. С. ШОФМАН

Александр Македонский как дипломат

В огромной, можно сказать, безбрежной и даже трудно обозримой литературе об Александре Македонском и его восточных походах нет ни одной работы, которая бы специально исследовала его дипломатическую деятельность. Между тем, без изучения этого вопроса невозможно понять, как Александру так сравнительно легко и быстро удалось завоевать огромное количество стран и народов, справиться с невероятными трудностями, встретившимися на пути. Обычно все успехи македонского дела на Востоке объяснялись исключительно военным гением македонского полководца или слабостью противника Александра. При этом не учитывалось должным образом, какую роль сыграли дипломатические меры царя Македонии в разьединении противника, в достижении победы над ним, в завоевании восточных стран вообще. Этим обеднялась общая историческая картина и односторонне отражался исторический процесс. Поэтому решение вопроса о роли международных отношений и дипломатии того времени, всестороннее изучение связей Македонии, Греции и восточных государств имеет большое значение для объективного освещения событий древности в один из важнейших ее периодов¹.

В. И. Ленин в работе «О сепаратном мире» отмечал, что

¹ См.: *Тарков П. Н.* К истории международных отношений в античном мире // ВДИ. 1950. № 2. С. 28—36.